

АКЦИОНЕРН. ОБЩ.
67, rue d'Aguesseau
Boulogne s/S.

Артель

Кооперат. гаража
тел. Mol.: 07-54

Продажа въ кредитъ такси Рено и Пежо. Стоянка и уходъ: такси и части. маш. Pont de graissage. Vidange gratuite. Быстрая и добросов. починка машинъ. Продажа бензина и масла.

КИЕВЪ

83, avenue de Wagram.
Tél.: Wagram 07-88.

УЮТНАЯ ЛѢТНЯЯ ТЕРРАСА
Завтраки (3 б.л.) — 12 фр. съ виномъ и кофе — 14 фр.
Обѣды (3 б.л.) — 12 фр. (изъ 4 б.л.) — 16 фр.
и à la carte.
Большой выборъ всевозм. холод. и горяч. закусокъ.
Отдѣльные КАБИНЕТЫ. Заль для БАНКЕТОВЪ

„АЛЕКСАНДРЪ“

Фабрика колбасъ и консерв. 70, av. Simon Bolivar. Nord 32-64
Прозв. и продаж. всѣхъ сорт. колбасъ, наилучш. кач. ЕЖЕДН. СВѢЖ. ЧАЙН.
КОЛБАСА И СОСИСКИ. Огурцы и капуста собственного засола.

КУРСЫ по уходу за КРАСОТОЙ

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ УХОДЪ И МАССАЖЪ ЛИЦА И ТѢЛА ПО ЗНАМЕНИТ. НАУЧН. МЕТОДАМЪ НАШЕГО ИНСТИТУТА. Лечение морщинъ, красныхъ пятенъ, угрей и прыщей, массажъ противъ ожирѣнія; уходъ за кожей, головы, удаление излишнихъ волосъ, маникюръ. Лечение синими и краснымъ свѣтомъ и ультрафиолет. луч. Америк. мет. Окончившіе курсы получаютъ дипломъ. Специальн. условия для русскихъ. Говорить по-русски. ДЛЯ ЧАСТНОЙ КЛИЕНТУРЫ. Уходъ за красотой и массажъ по послѣднимъ научнымъ усовершенствованіямъ. Лечение морщинъ, угрей, прыщей, красныхъ пятенъ, сѣдловъ оспы и т. д. Массажъ противъ ожирѣнія съ гарантией успѣшныхъ результатовъ. Лечение противъ выпаденія волосъ (лысина) и перхоти. Новѣйшія открытія специального грима для лица (для дня и для вечера). Маникюръ и педикюръ. Курсы парикм. искусства, Mise en plis, Indéfrisable и окраски волосъ.

— ПРОБНЫЙ УРОКЪ БЕЗПЛАТНО —

Institut de Beauté KEVA

Основанъ въ 1901 г.

23, rue Tronchet, Paris (Madeleine). Tél.: Anjou 37-90.
Требуется бесплатную брошюру «ИСКУССТВО КРАСОТЫ».

Кровочиститель „АВРАНИНЪ“

ИНДИЙСКИЙ БАЛЬЗАМЪ Д. АВРАХОВА. Сущ. съ 1893 г. СПб., Колокольная, 11. Экстрактъ цѣлебныхъ индійскихъ кореньевъ и травъ, соверш. очищаетъ кровь, обновляетъ и омолаживаетъ орган., предохраняетъ его отъ преждевременной старости. Индійскій бальзамъ испытанъ болѣе, чѣмъ 60-ти лѣтъ. практикой, вполне излѣчиваетъ въ крат. срокъ упорн. и неподдающ. медицинск. болѣзни, какъ сифилисъ, во всѣхъ его стад. и со вс. послѣд.: сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал. Всѣ назожи. бол.: экзему, псориазисъ, люпусъ (волчанка), сикозъ, гоноррею (триперъ), падуч. бол. (эпилепс.), туберкулезъ легкихъ и костей, малокровіе, половую и общую слабость, нервныя, желудочн. и кишечн. заболѣванія. Уже послѣ пріема первой же бутылки на 3-5-й день больной, измуч. болѣзн., чувствуетъ, какъ организмъ наполн. новыми силами и успокаивается нервн. сист., появл. аппетитъ и норм. сонъ. Облечен. этихъ болѣзней имѣются десятки тысячъ нотаріальныхъ и письмен. благодарностей. Бальзамъ премир. на европ. выст. и награжденъ пятью grand prix и семью больш. зол. мед. Требуется брошюры на всѣхъ яз. Почт. расх. 2 франка. АВРАНИНЪ, продается въ аптекахъ, или непосредственно, обращаться по адресу: LABORATOIRE AVRANINE, 6, rue Maubiane, Paris (15). M-ro: Vaugirard. Tél.: Van 65-69. Лабораторія ищетъ представителей для продажи «Авранина» въ странъ Южной Америки, въ Австраліи, Индіи и Канадѣ

ПРОДАЖА

200 машинъ occasion отъ 3.500 до 30.000
Citroën, Peugeot, Hotchkiss, Renault, Ford, Buick, Chrysler, Auburn, Packard.
Гарантия 3-6 мѣс. Кредитъ-обмѣнъ.

AUTOSPOR

48, Bd de la Somme, Gal. 84-10.
M-ro P-te Champerret.
Большое отдѣленіе: мастерскія, Механика и кароссерія
68, Bd Bourdon, Neuilly. Mai 98-58

11, rue Daru, противъ русской церкви.
Tél. Car. 41-17

ПЕТРОГРАДЪ

съ 26-го ІЮЛЯ РАСШИРЕНЪ
ХОЛОДНЫЙ И ГОРЯЧІЙ БУФЕТЪ
Дежурное блюдо 3 фр. 50

Ясновидящая
Г-жа ПЕТРЕНКО
обл. даромъ яснов. въ зеркалѣ, предск. наст. и будущее. Совѣты по всѣмъ вопр. ежед. 1-7 ч.
9, r. Ginoux, Paris 15.
M-ro Beaugrenelle
(Предсказываетъ заочно по присланной фотогр.)

ФАБЕРЖЕ и К°

23, rue Saulnier, 23. Paris (9°).
Métro: Cadet. Tél.: Prov. 42-26.
БРИЛЛАНТЫ, ЖЕМЧУГЪ.
ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ
Покупка, продажа. Пріемъ на комиссію.
Исполненіе заказовъ.
Покупка издѣлій фирмы «К. ФАБЕРЖЕ».

ПРОД. И ВЕЩ. ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ

ЗЕМСКИЙ СОЮЗЪ

UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
73, rue de la Victoire, Paris (9°); Tél.: Trinité 52-73 et 52-74.
Métro: Ch. d'Antin et Trinité.

РУССКІЙ МУЖСКОЙ ПАРИКМАХЕРЪ

7, RUE de la SMALA (15)
(Во дворѣ).
цѣны очень доступныя.

АДЛЕРБЕРГЪ

BOTTIER DE LUXE
Pour les pieds sensibles
(dames et hommes)
10, Rue Auguste-Bartholdi,
M-ro Duplex, tél.: Ség. 75-09

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе въ «Иллюстрированной Россіи», позвоните по тел.: BALZAC 19-52 и къ Вамъ немедленно явится агентъ отдѣла объявленій.

№ 32 (586)
1 августа 1936 г.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 2 ФРАНКА.

13-й годъ изданія.
Основ. М. П. Мироновъ
Редакція и Гл. Контора
24, Rue Clément-Marot
PARIS (8°)
Tél. Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

ВЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦИОННАГО КОМИТЕТА:
И. А. БУНИНЪ, З. Н. ГИППУСЪ, Б. К. ЗАЙЦЕВЪ,
Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ и И. С. ШМЕЛЕВЪ

№ 32 (586)
1 aout 1936.

Prix du numéro: 2 fr
13e année.

M. Mironoff, fondateur
Rédaction et Administration
24, Rue Clément-Marot
PARIS (8°)
Tél. Balzac 19-52

Контора «Ил. Россіи» проситъ г.г. подписчиковъ съ разсрочкой платежа, а также срокъ подписки которыхъ истекъ 1 августа, озаботиться уплатой очередного взноса, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала и приложений.

Контора «Ил. Рос.» сообщаетъ, что въ концѣ Іюля всѣмъ подписчикамъ на журналъ съ приложениями были разосланы четыре книги Литературныхъ приложений (кн. 26, 27 28 и 29)

Ив. Бунинъ Copyright 1936 by Ivan Bunin

О ТОЛСТОМЪ

Не помню, въ какомъ именно году видѣлъ я его въ послѣдній разъ, въ зимній вечеръ въ Москвѣ на Арбатѣ. О чемъ мы говорили, тоже не помню. Помню только, что во время этого короткаго разговора онъ спросилъ меня, пишу ли я что нибудь? Я отвѣтилъ:
— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, почти ничего не пишу. И все, что прежде писалъ, кажется теперь такимъ, что лучше и не вспоминать.
Онъ оживился:
— Ахъ, да, да, прекрасно знаю это! Да и нечего писать, — прибавилъ я.
Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то нерѣшительно, потомъ, точно вспомнилъ что-то:
— Какъ-же такъ нечего? — спросилъ онъ. — Если нечего, напишите тогда о томъ, что вамъ нечего писать и почему нечего. Подумайте, почему именно нечего, и напишите. — Да, да попробуйте слѣловать такъ, — сказалъ онъ твердо.

Чеховъ, говоря о немъ, чаще всего восхищался имъ. Но иногда говорилъ и съ раздраженіемъ:
Зачѣмъ онъ говоритъ о томъ, въ чемъ ничего не смыслить? Напримѣръ, о медицинѣ? Потому эта философія... Вотъ, напримѣръ, совершенно удивительная вещь: «Много ли человѣку земли нужно?» Написано такъ, какъ никто еще тысячу лѣтъ не сумѣлъ написать. А философія? Человѣку, видите-ли, нуж-

но всего три аршина земли. Чепуха: человеку нужно не три аршина, а нуженъ весь земной шаръ. Это мертвому нужно три аршина. И живые не должны думать о мертвыхъ.
Вспоминаю это, вспоминаю почему-то, какъ князь Андрей слушалъ пѣніе Нагашинъ:
«Страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно великимъ и неопредѣленнымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ былъ онъ самъ и даже была она, — эта противоположность томила и радовала его во время ея пѣнія».
И вспоминаю строки изъ какого-то разсказа Чехова, ничуть не юмористическаго:
«Пока она пѣла, мнѣ казалось, что я ѣмъ спѣлую, сладкую, душистую дыню.»

Мой покойный другъ К. М. Лопатина (сестра извѣстнаго философа) разсказывала мнѣ:
— Хорошо помню этотъ сѣрый деревянный домъ съ большимъ старымъ садомъ возлѣ Дѣвичьяго Поля, домъ графа Льва Николаевича Толстого въ Хамовникахъ, много говорили тогда объ этомъ домѣ, о его хозяинѣ и о «темныхъ»: такъ называли и самъ Левъ Николаевичъ и всѣ его домашніе толстовцевъ, появившихся въ хамовническомъ домѣ въ своихъ блузахъ и туфляхъ, — сапоговъ, то есть «кожу убитыхъ животныхъ» они не носили, — молча си-

дѣвшихъ по угламъ, смотрѣвшихъ съ вызывающимъ осужденіемъ, страшныхъ на видъ, заросшихъ лохматыми бородами и волосами, — ихъ называли еще «дремучими». Не было тогда дома въ Москвѣ, гдѣ бы ни обсуждали проповѣдей Толстого, ни бранились по поводу него, ни разсказывали о томъ, какъ онъ, въ своей бекешѣ, съ сѣдой бородой, съ жесткими и умными глазами подъ нависшими бровями, пробѣгаетъ то тамъ, то здѣсь по московскимъ улицамъ и бульварамъ, какъ видятъ его иногда везущимъ бочку воды на обледѣнныхъ салазкахъ... Мнѣ тутъ вспоминаются отношенія между нимъ и Владиміромъ Соловьевымъ.
Было извѣстно, что Левъ Николаевичъ не любилъ Соловьева, и что и Соловьевъ отзывался о немъ безъ особаго почтенія. Когда по Москвѣ читали въ рукописи «Въ чемъ моя вѣра», Соловьевъ писалъ профессору Карѣеву: «Здѣсь Левъ Толстой выпускаетъ свою новую книгу подъ названіемъ «Въ чемъ моя вѣра». Одинъ мой пріятель, прочитавши ее въ корректурѣ, говоритъ, что ничего болѣе наглаго и глупаго онъ никогда не читалъ. Сущность книги — въ ожесточенной полемикѣ противъ идеи безсмертія души, противъ Церкви, государства и общественного порядка — все во имя Евангелія. Апостолъ Павелъ называется «полоумнымъ каббалистомъ», совершенно искаженнымъ христіанствомъ. Конечно, эта книга будетъ запрещена, что не помѣшаетъ ея распространенію въ публикѣ, но сдѣлаетъ невозможнымъ

Photo Rapide-Presso

НОВЫЙ ВЫПУСКЪ ВЫСШЕЙ РУССКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ ПАРИЖѢ
Сидятъ (слѣва): проф. П. Ф. Козловскій, проф. Н. Т. Бѣляковъ, проф. В. П. Аршаумовъ, проф. М. А. Кедровъ, проф. П. Н. Финисовъ.
Стоять (слѣва): инж. Пушищскій, Шахнюкъ, Когень, Зауберманъ, Зарембо-Рацевичъ, Капарі, Тварковскій, Геселевичъ, Бѣлинъ, Булгаковъ, Степановъ.

ея опроверженіе въ печати.» Соловьевъ спорилъ со Страховымъ: «Съ тѣмъ, что вы пишете о Достоевскомъ и о Толстомъ, я рѣшительно не согласенъ. Нѣкоторая непрямота и неискренность, — такъ сказать, сугубость, — была въ Достоевскомъ лишь той шелухой, о которой вы такъ прекрасно говорите, но Достоевскій былъ способенъ отбрасывать эту шелуху, и тогда подъ ней оказывалось много настоящаго и хорошаго. А у Толстого непрямота и неискренности болѣе глубоки, но я не желаю объ этомъ распространяться: во-первыхъ, въ виду вашихъ чувствъ къ нему, во-вторыхъ, въ виду Великаго Поста, въ-третьихъ, въ виду заповѣди «не судите», которую я продолжаю понимать въ нравственномъ, а не въ юридическомъ смыслѣ... Сегодня я у Фета видѣлся съ самимъ Толстымъ, который, ссылаясь на одного нѣмца, а также и на основаніи собственныхъ соображеній, доказывалъ, что земля не вращается вокругъ солнца, а стоитъ неподвижно и есть единственное намъ извѣстное «твердое» тѣло, солнце же и прочія свѣтила суть лишь куски свѣта, летающіе надъ землей по той причинѣ, что свѣтъ не имѣетъ вѣса...» Тутъ я такъ и слышу обычный неудержимо - разнузданный смѣхъ Соловьева...

Соловьевъ бывалъ въ Хамовникахъ, ходилъ и Левъ Николаевичъ къ нему. Соловьевъ однажды написалъ Страхову, что лично совсѣмъ примирился съ Толстымъ: «Онъ пришелъ ко мнѣ объяснить нѣкоторые свои поступки, а затѣмъ я провелъ у него нѣкій вечеръ

съ большимъ удовольствіемъ и, если онъ всегда будетъ такой, то буду поспѣвать его.»

Онъ однажды изложилъ Толстому «главный пунктъ» своего разномыслія съ нимъ: пунктъ этотъ былъ воскресеніе Христа. Но сколько было между ними всякихъ другихъ разномысліи и вообще различій! Эта прихожая, эта лѣстница и залъ хамовническаго дома, садъ при этомъ домѣ, всегда шумный отъ говора и смѣха молодыхъ Толстыхъ, эта блуза Толстого съ ремненнымъ пояскомъ, за который онъ засовывалъ руки, его хмурое лицо съ незабываемыми глазами, безконечные разговоры о томъ, можно ли ѣсть мясо, жарить кофе и не безнравственно ли помогать людямъ деньгами, и большой чайный столъ, надъ которымъ озабоченно хлопоталъ молодой лакей, всѣхъ называвшій сятельствами... и эти бездомныя скитанія Соловьева по номерамъ и по домамъ знакомыхъ, его длинная фигура въ длинномъ спортулкѣ и мафферланѣ, его подчеркнуто - интеллигентскій видъ съ отросшими по плечамъ волосами, его постоянныя болѣзни, постоянныя Причастія и полное безстрашіе смерти... Все было слишкомъ различно!

Толстовцы, въ среду которыхъ я попалъ двадцатилѣтнимъ мальчикомъ, были въ общемъ совершенно несносный народъ.

Я видѣлъ и «самого» Черткова. Это былъ высокій, крупный, породистый че-

ловѣкъ съ небольшою гордой головой, съ холоднымъ лицомъ, съ ястребинымъ, совсѣмъ небольшимъ и прекрасно сформированнымъ носомъ и съ ястребиными глазами. Софья Андреевна часто говорила съ рѣдкой мѣткостью. Однажды рассказывала про какого-то революціонера, поспѣвашаго Ясную Поляну: «Пришелъ, сѣлъ и сидитъ. Упорно молчитъ, неподвижное лицо, очень черный брюнетъ, синія очки и кривой глазъ.» А Черткова она называла «идоломъ». Я видѣлъ его всего разъ или два и не рѣшаюсь о немъ судить. Но впечатлѣніе отъ него у меня осталось такое, что лучше и не скажешь: «идолъ». Очень идетъ къ этому опредѣленію одинъ рассказъ Александры Львовны:

— Какой задорный видъ бывалъ у отца, когда онъ выходилъ изъ кабинета послѣ удачной работы! Поступь легкая, бодрая, лицо веселое, глаза смѣются. Иногда вдругъ повернется на одномъ каблукѣ и быстро перекинетъ ногу черезъ спинку стула. Я думаю, всякій уважающій себя толстоуевъ пришелъ бы въ ужасъ отъ такого поведенія учителя. Я помню такой случай. На «предсѣдательскомъ» мѣстѣ, какъ оно у насъ называлось, сидѣла мама. По правую сторону отца, рядомъ съ нимъ Чертковъ. Обѣдали на террасѣ, было жарко, комары не давали покоя, жалили лицо, руки, ноги. Отецъ разговаривалъ съ Чертковымъ, остальные слушали. Настроеніе было веселое, оживленное, острили, смѣялись. Вдругъ отецъ, взглянувъ на голову Черткова, быстро и ловко хлопнулъ его по лыснѣ. Отъ налившагося кровью, раздувашагося комара осталось кровавое пятнышко. Всѣ расхохотались, засмѣялся и отецъ. Но внезапно смѣхъ оборвался. Чертковъ, мрачно сдвинувъ красивыя брови, съ укоризной смотрѣлъ на отца.

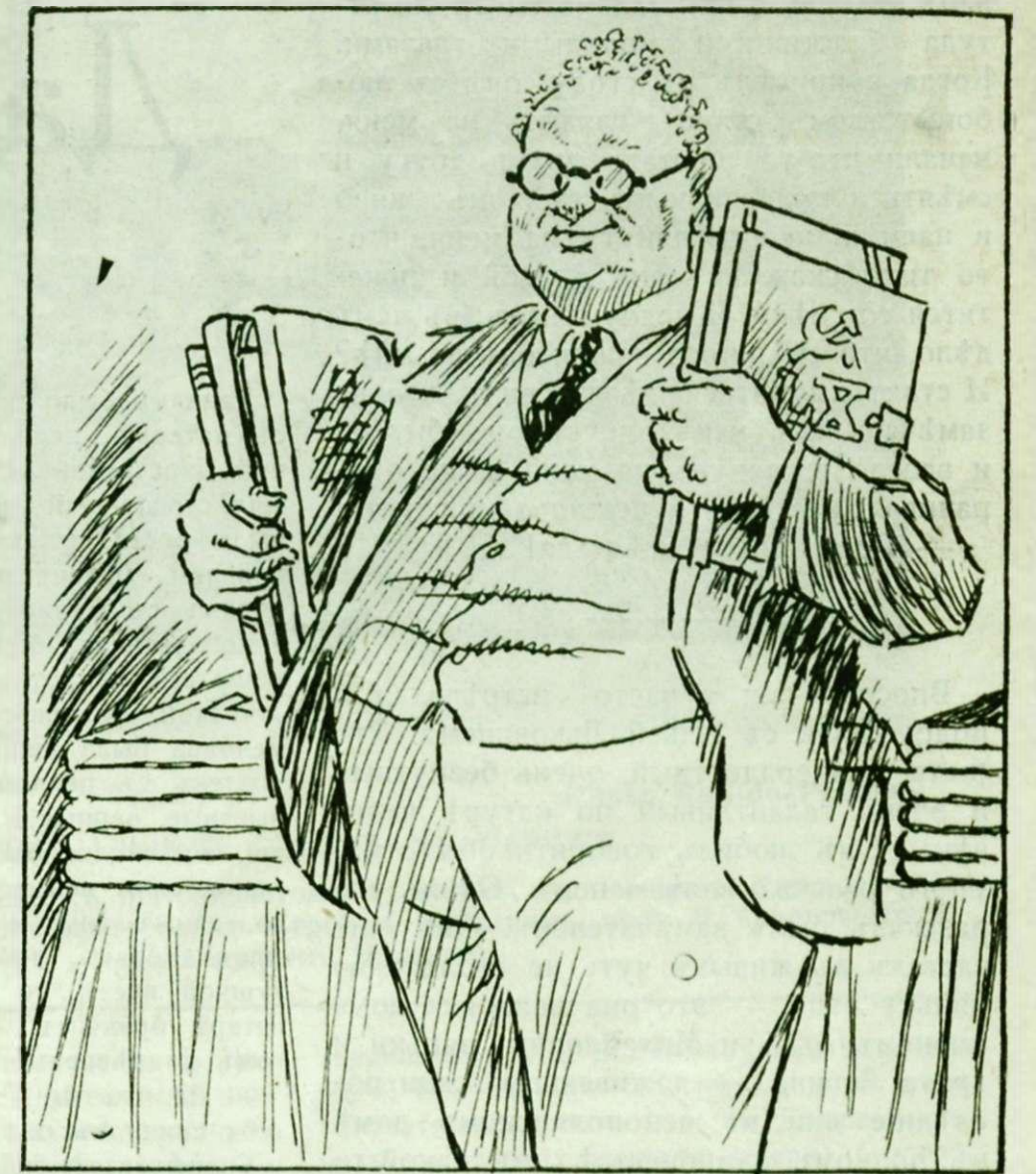
— Что вы надѣлали? — проговорилъ онъ. — Что вы надѣлали, Левъ Николаевичъ? Вы лишили жизни живое существо! Какъ вамъ не стыдно!

Отецъ смутился. Всѣмъ стало неловко...

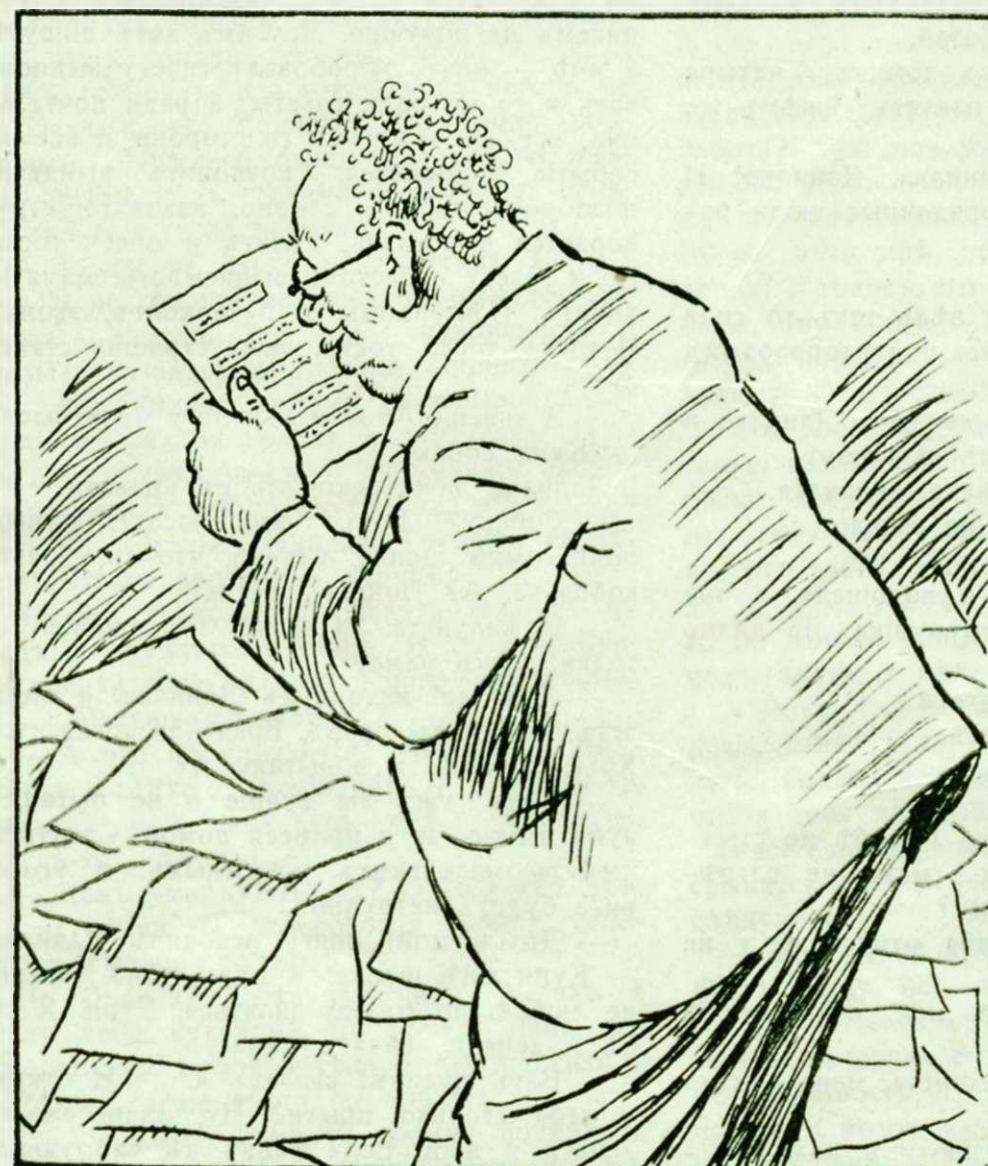
Сыновей его я въ ту пору никого не зналъ. Дочерей видѣлъ. Однажды вечеромъ засталъ въ «Посредникѣ» и его, и ихъ, всѣхъ трехъ — Таню, старшую, Маню, среднюю, и Сашу, младшую. Онъ сидѣлъ возлѣ большого деревяннаго стола, занимавшаго середину комнаты и освѣщеннаго сверху висѣчей лампой, ежился, запуская руки въ рукава своего стараго нагольного полушубка и положивъ ихъ на столъ, и чему то неловко улыбался, слушая стоявшихъ вокругъ и что-то говорившихъ сотрудниковъ «Посредника», изъ которыхъ рѣзко выделялись двое: одинъ небольшой, широкоплечій, широкоскулый, похожій на сельскаго учителя, въ сѣрой блузѣ и въ валенкахъ, съ острымъ взглядомъ за очками, другой высокій, стройный, стра-

По случаю исполнившагося 60-лѣтія тов. Литвинова, тов. Сталинъ поздравлялъ и благодарилъ наркоминдѣла.

Президіумъ ВЦИК и ЦИКА, красная армія, комсомолъ и сотни другихъ совѣтскихъ организацій поднесли юбиляру роскошныя папки съ благодарственными адресами.

Онъ получилъ многочисленныя привѣтствія изъ за-границы.

И мы также пользуемся случаемъ, чтобы выразить маститому юбиляру нашу глубокую благодарность за тотъ обильный матеріалъ, который онъ намъ давалъ для карикатуръ и, думаемъ, будетъ и дальше продолжать давать.

стно-мрачный красавецъ съ черно-синими волосами и совершенно безумнымъ, экстатическимъ выраженіемъ смуглаго худого лица. Онъ же всѣ сидѣли на диванѣ въ углу и пристально смотрѣли отсюда блестящими молодыми глазами. Когда я присѣлъ къ столу, онъ съ любопытствомъ стали глядѣть на меня, начали что-то шептать другъ другу и смѣяться подавленнымъ смѣхомъ: живо и насмѣшливо взглянуть на меня, что-то тихо скажутъ одна другой и покажутся со смѣху. Я недоумѣвалъ: въ чемъ дѣло, что смѣшного нашли онъ во мнѣ? И сталъ хмуриться, дѣлать видъ, что не замѣчаю ихъ, какъ вдругъ онъ быстро и весело взглянулъ на меня и, не оборачиваясь, строго и шутиливо крикнулъ:

— Перестаньте смѣяться!

Впослѣдствіи я часто встрѣчался и подружился съ Ильей Львовичемъ. Это былъ жизнерадостный, очень безпутный и очень талантливый по натурѣ человекъ. Онъ любилъ говорить объ отцѣ, много рассказывать о немъ. Одинъ его рассказъ былъ замѣчательнъ. Онъ еще засталъ въ живыхъ чуте не столѣтнюю няньку отца, — это она написана подъ именемъ Агафьи Михайловны, няньки и друга Левина, — доживавшую свои послѣдніе дни въ яснополянскомъ домѣ въ полномъ одиночествѣ въ какой-то каморкѣ.

— Что за старуха была, ты даже и представить себѣ не можешь, — рассказывалъ Илья Львовичъ. — Лежу, говорю, въ своемъ чуланчикѣ, день и ночь одна одинешенька, — только часы на перегородкѣ постукиваютъ. И все домогаются, все домогаются: «Кто ты — что ты? Кто ты — что ты?» Лежишь, слушаешь и все думаешь, думаешь: кто жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, что ты такое есть на свѣтѣ? — Отецъ былъ въ совершенномъ восторгѣ: да, да, повторишь онъ, вотъ въ этомъ и вся штука: кто ты, что ты?

Извѣстно насмѣшливое замѣчаніе Глѣба Успенскаго: «Толстой — это восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя». Эту фразу повторяли по-гому безъ конца. И ни самъ Успенскій, ни повторявшіе его даже и не подозревали, надъ какой глубочайшей особенностью Толстого насмѣхаются они. «Кто ты — что ты?» Недаромъ такъ восхищался онъ этимъ, — тѣмъ, что именно этотъ вопросъ, а не что-либо другое слышала его старая нянька въ мѣрномъ стукѣ часовъ, отмѣривавшихъ утѣкающее время ея бѣдной земной жизни. Въдѣ можно было слышать обычно: «Тикъ-такъ, тикъ-такъ...» Но вотъ она слышала свое, другое: «Кто ты — что ты?» Самъ онъ слышалъ въ себѣ этотъ вопросъ всю жизнь, до самой послѣдней минуты своей.

Ив. Бунинъ

Влад. Гуцикъ

Данилкинъ песь

Р а з с к а з ъ

Данилкѣ было подѣ тридцать. Жилъ онъ съ матерью, нервной и капризной женщиной Параскевой Семеновной, къ тому-же еще страдавшей порокомъ сердца. Данилка былъ роста саженнаго, а Параскева Семеновна — маленькая и сухонькая женщина, рядомъ съ Данилкой казалась просто карлицей. Данилка былъ добродушнымъ, а мамаша его, напротивъ, — съ этакой колючей занозкой, раздражительная. Параскева Семеновна была черно-сѣрой, какъ потухшій уголекъ съ пепломъ и глазки у нея были быстрые, черные и кругленькіе, какъ у мыши, а Данилка былъ бѣлобрысъ, голубоглазъ, силы неимовѣрной, характера слабого, да къ тому-же лѣнивъ, увалень, тюфякъ-добрякъ, лежебока. То кофе съ магушкой пьетъ, то на кровати валяется, на гитарѣ бренчитъ и фальшивымъ дискомъ подпѣваетъ. Бывало скажешь ему:

— Да что ты, Данилка? Стыдись! Что у тебя спина къ одѣялу приросла, что-ли?

Сконфузится, покраснѣетъ, приподыметъ и сядетъ на койкѣ.

— Данилка, неужели ты такъ ничего и не дѣлаешь?

— А что?

— Стыдно! Каждый человекъ долженъ что-нибудь дѣлать. Работай.

— А зачѣмъ? У насъ домикъ, четыре квартиры. Деньги намъ платятъ. Зачѣмъ-же работать?

— Домикъ? Эхъ, Данилка, Данилка! И не грѣхъ тебѣ! Всѣ порядочные люди работаютъ.

— А зачѣмъ?

— Тѣфу, дуралей! Да въдѣ такъ-то сидя на койкѣ, скособоившись, чертополохомъ можно порости.

— Что-жъ, я и лягу! скажетъ Данилка и опять растянется и опять за гитару.

— Ты-бы хотѣ, Данилка, женился.

— Гм... думалъ я, да не вышло.

— Не подошелъ?

— Нѣтъ, не то. И я подошелъ и она подходящая, хорошая дѣвушка. Да видно не судьба намъ.

— Въ чемъ же задержка?

— Мама не разрѣшаетъ.

— Мама? Чья мама?

— Моя мама.

— Да что ты, балбесъ! И тебѣ не стыдно? Тридцатый годъ и... мама не разрѣшаетъ! Наконецъ, почему?

— Не хотѣтъ отъ себя отпускать и не хотѣтъ къ себѣ брать.

— Да жена-то не съ ней, а съ тобой жить будетъ!

— Мало-ль чего. Не хотѣтъ меня видѣть женатымъ, вотъ и все.

— Странно. А я-бы противъ воли пошелъ.

— И ты-бы не пошелъ. Домъ развалится.

— Богъ съ нимъ и съ домомъ. Съ такой силой, какъ твоя, — не пропадешь!

— Да я не про то. Не дома жалко, а разсуди самъ: мать останется, старушка уже, беззащитная, одинокая, а заболѣетъ, то и присмотрѣть некому. Нѣтъ, думалъ я, не годится. Тоска беретъ. Скажу тебѣ откровенно, что и работать она не пускаетъ. И лѣнтяй я противъ своей воли. Такъ сказать — культивированный лѣнтяй. А въдѣ по натурѣ я не таковъ. Не дай Богъ, если когда-нибудь прорвусь, — никакими плотинами не удержишь. Пытался я на работу нажать, а она — ни за что! На твой, говорить, вѣкъ хватитъ! А дома заняться нечѣмъ. Ни ремеслу, ни искусству я не учень, вотъ только гитарой и развлекаюсь, да иногда книгой. Да и читать совѣстно. Въ книгахъ все не какъ у меня, въ нихъ и страдаютъ и работаютъ и любятъ и борются, а я словно съ другой планеты черезъ книгу, какъ черезъ телескопъ, на другой мѣръ смотрю. Все, братъ, я передумалъ. Даже повѣситься не могу; опять мать одна останется. Просто не знаю, куда себя отъ госки дѣвать. Лежу вотъ и слушаю, не подымется-ли кто изъ знакомыхъ, не зайдетъ-ли покалякать часокъ. Повѣришь, — я и писемъ не получаю. Другимъ вотъ пишутъ, а мнѣ — никто. Пробовалъ газету выписывать и то не ради газеты, а ради почтальона; все-же человекъ со стороны и все-же событіе. Подымется, позвонитъ, выйдешь, поздороваешься и словно, какая-то струя ворвется въ жизнь, дунетъ и опять тоска. Но и газету пересталъ выписывать, мама не хотѣтъ. Почтальонъ ее беспокоитъ, звонки. И тоска, тоска, тоска, даже страшно становится.

— А знаешь, что? мельнула у меня мысль.

— Купи собаку.

Данилка даже вскочилъ съ кровати.

— Собаку?! Вотъ это мысль! Слушай, поищи мнѣ щенка. Сетера, что-ли. Только кобелька. А? Поищи, другъ.

— Пожалуйста. Сдѣлай одолженіе. А только, какъ мама?

— Ахъ, да! вздохнулъ Данилка, и опять легъ. — Это ты правъ. Врядъ-ли согласится. Хотя, знаешь, я попытаю. А?

— Нѣтъ, ужъ ты лучше и не пытай, а купи щенка, да и принеси домой. Старушки любятъ маленькихъ животныхъ, и уговорить будетъ нетрудно.

— Другъ мой! опять вскочилъ Данилка.

— Купи мнѣ щенка. Я въдѣ, самъ знаешь, не люблю по городу шляться. Купи. Я тебѣ и денегъ сейчасъ дамъ.

— Вотъ чудакъ! сказала я. — И откуда у тебя столько приты? Ну, ладно, давай деньги и жди. Если найду въ слѣдующее воскресенье на рынкѣ, обязательно принесу.

Такъ мы и порѣшили. Въ первое-же во-

скресенье я отправился на толкучку и, какъ нарочно, попалъ на собачника и купилъ для Данилки шестинедѣльнаго щенка сетера-лаверака, мохнатаго, вислоухаго, большелапаго, бѣлаго съ чернымъ крапомъ. Данилка былъ въ восторгѣ. Онъ бросился со щенкомъ на материнскую половину и черезъ минуту по корридору засеменили шаги Параскевы Семеновны. Она вошла неся на рукахъ щенка и онъ тыкался бѣлой мордой въ ея сухую грудь и наровиль лизнуть въ подбородокъ. Данилка, почтительно согнувшись, вошелъ вслѣдъ за матерью и остановился въ дверяхъ.

— Мой сынъ говоритъ. — начала старушка, — что вы ему подарили этого чудеснаго песика. Правда, онъ нашъ?

— Совершенно вашъ, уважаемая Парасковія Семеновна. Сейчасъ еще лѣто, но къ осени, когда наступятъ темныя ночи, онъ вырастетъ въ прекраснаго сторожа.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна! протянула мнѣ свою сухонькую ручку Параскева Семеновна и засемила на свою половину. Данилка бросился ко мнѣ, обнялъ, расцѣловалъ и чуть не вывихнулъ мнѣ позвоночникъ.

— Ну-съ, теперь у тебя новая жизнь! — сказалъ я.

— Теперь новая жизнь! восторженно воскликнулъ Данилка и началъ подбирать на гитарѣ Собачій вальсъ.

А черезъ мѣсяцъ я укатилъ по дѣламъ въ другой городъ и прожилъ вдали отъ Данилки около года.

Вернулся я весной, въ самые дни тепла, красоты и бѣлыхъ ночей и рѣшилъ навѣстить Данилку. Засталъ я его, какъ всегда, на кровати съ гитарой. Онъ былъ несказанно обрадованъ моему приходу, обнялъ, расцѣловалъ и очень растрогался.

— Ахъ, какъ хорошо, что я тебя вижу! говорилъ онъ. — Какъ хорошо, что ты пришелъ! Я такъ, братъ, скучаю, такъ скучаю!.. Ахъ, какъ хорошо, что ты здѣсь!..

Онъ говорилъ, а я глядѣлъ на него и не узнавалъ своего Данилку. Его словно подмѣнили. Лицо его было нездороваго желтаго цвѣта, подъ глазами расплзлись синяки, голубые глаза потухли.

— Да ты не здоровъ? спросилъ я.

— И не говори! печально отмахнулся Данилка и вдругъ, его лицо искривилось и слезы показались на глазахъ. Данилка сѣлъ на койку, уперся локтями въ колѣни, положилъ на ладони голову и заплакалъ. Плакалъ онъ тихо, какъ-то задумчиво, словно плача виталъ гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ.

— Да что ты, Данилка! Господь съ тобой! Этакая верзила и вдругъ!..

Но онъ продолжалъ плакать, глядѣлъ въ полъ и не утиралъ глазъ. И сразу набухли мѣшки подъ глазами и покраснѣлъ носъ.

— Матушка-то здорова?

— А что ей сдѣлается! отмахнулся Данилка и тихо прибавилъ: — Собака-то, песь-то мой, другъ-то мой... Братикъ... другъ-то... умеръ!..

— Какъ умеръ?! Да ну? Отчего-же? Эхъ, да не плачь ты, стоеросовая дубина, успокойся и говори толкомъ

Но Данилка уже истерично рыдалъ и билъ себя кулакомъ въ грудь. Лицо его сморщилось и покраснѣло, губы дрожали и крупныя слезы текли по щекамъ.

Въ сосѣдней комнатѣ громко подвинули стулъ и голосъ Параскевы Семеновны выкрикнулъ:

— Замолчи-же ты, наконецъ!..

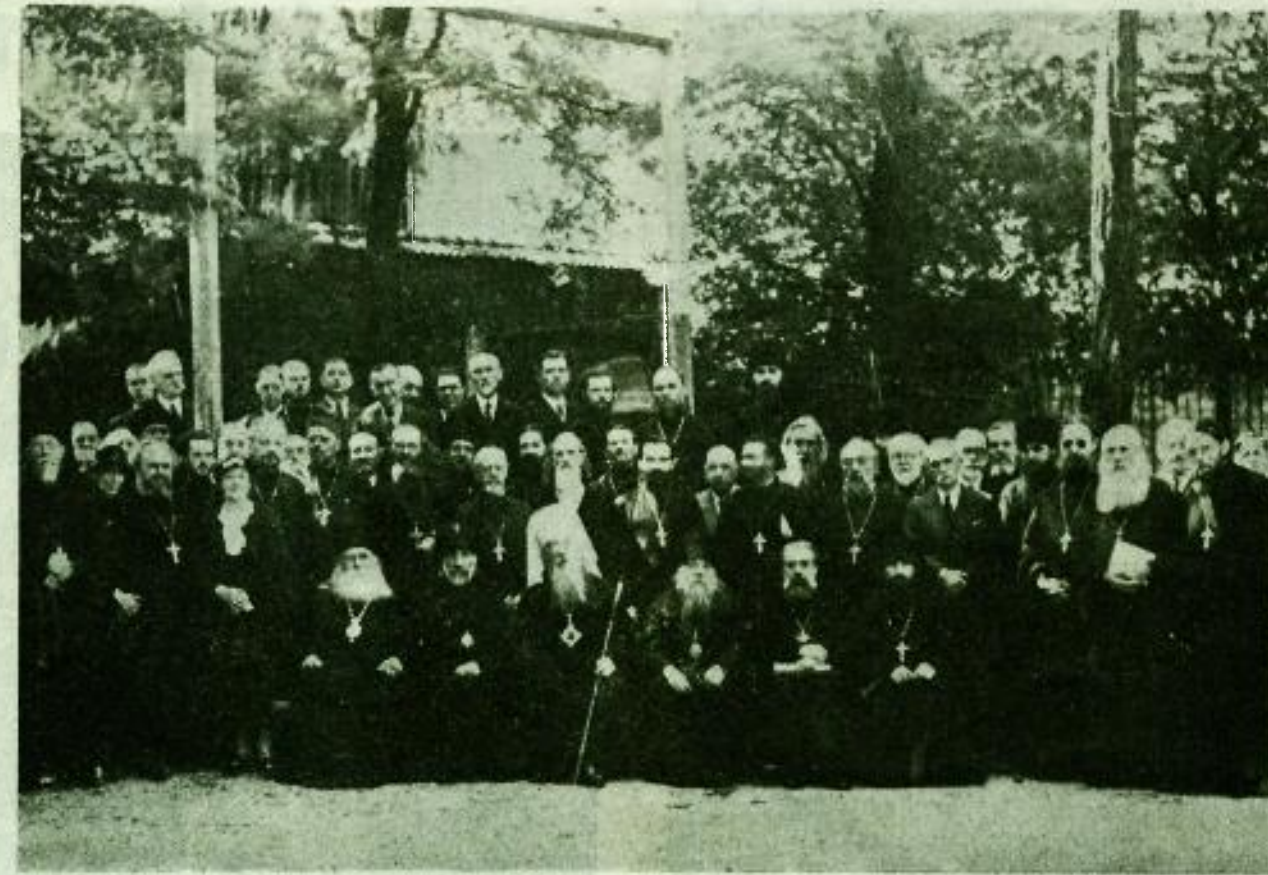

Photo Rapide-Pressé

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ СЪѢЗДЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Участники съѣзда во главѣ съ Митрополитомъ Евлогіемъ, еп. Іоанномъ Херсонскимъ, архіеп. Александромъ Брюссельскимъ, еп. Сергіемъ Пражскимъ, прот. Н. Сахаровымъ и архимандритомъ Никономъ.

И вдругъ (я не могу этого забыть), Данилка, этотъ рабъ матери, этотъ тихій послушникъ, — повернулся къ стѣнѣ, въ сторону голоса матери, поблѣднѣлъ, задрожалъ и разомъ выкрикнулъ истерично и зло:

— Не надо!!! Не надо!! Оставьте меня! Не мучайте! Не терзайте!.. Душу, душу мою вы съѣли! Вы не мать мнѣ, слышите-ли, — не мать! Гдѣ моя невѣста?! свирѣплъ онъ и его лицо изъ блѣднаго сдѣлалось краснымъ, налилось кровью до синихъ жилъ на вискахъ и челюсть дрожала. — Гдѣ моя работа?! Гдѣ моя жизнь?! Гдѣ мой единственный другъ, мой вѣрный Братикъ?! Вы... ты все уничтожила, ты отняла, ты смяла! Вы не мать мнѣ, не мать, а дрянъ, дрянъ, дрянъ! и голосъ его сталъ визгливъ, какъ у бабы, онъ бросился на кровать и закрылъ голову подушкой, а изъ сосѣдней комнаты донесся заглушенный плачъ.

Такъ Данилка никогда не говорилъ съ матерью и мнѣ стало ясно, что въ жизни Данилки произошла какая-то драма. Я принесъ ему изъ кухни воды (изъ подъ крапа, холодной), успокоилъ, какъ могъ и, когда Данилка утеръ послѣднія слезы и какъ-то по дѣтски виновато улынулся мнѣ изъ подъ локтя, я сѣлъ рядомъ и сказалъ:

— Вотъ что, Данилка! Ты уже не ребенокъ, слава Богу — стенать поздно, хныкать, братъ, нечего, а расскажи толкомъ, что у тебя произошло?

И все еще нервно всхлипывая, вздрагивая и срываясь съ разговора, Данилка рассказала слѣдующее:

— Эхъ, какой это былъ песь! Это другъ, братъ, сынъ, все, что хочешь, а не только собака! И какъ онъ меня любилъ! Только теперь, потерявъ его, я начинаю цѣнить всю безграничность его любви. А вотъ при жизни его я этого, какъ-то не замѣчалъ, словно оно такъ и должно быть и все въ рядкѣ вещей, а между тѣмъ, я, грязный и тупой подлець, не стоить ногтя своего чет-

вероногого друга! Боже, какъ онъ меня любилъ! И — вотъ — его нѣтъ... и во всемъ виновата она... вотъ она! (и Данилка кивнулъ въ сторону комнаты матери). Слушай, ты помнишь, какъ я ее любилъ, мать-то свою, помнишь? Въдѣ я все, все дѣлалъ во имя ея и, какъ я ее сейчасъ презираю!.. Да! Если-бы не ея безпомощная старость, я вышвырнулъ-бы ее на улицу! Это не хорошо, это жутко даже говорить такъ, я понимаю, но пойми, пойми, что прорвалось, что только по ея волѣ, по волѣ моей матери я сталъ и убійцей! Да, да, убійца!..

Онъ схватился за голову и заходилъ по комнатѣ. За стѣной послышался кашель и сдержанный рыданіе. Данилка остановился, прислушался и вдругъ, покраснѣвъ до ушей, дико, какъ сумасшедшій закричалъ:

— Мо-ол-чать!! Убью! Разорву! слышишь те?!!

Я бросился его успокаивать:

— Данилка! Въдѣ это-же мать... ты съ ума сошелъ?!

— Я? Нѣтъ не я, а ты съ ума сошелъ. Развѣ ты могъ любить когда-нибудь свою мать такъ, какъ я свою? Развѣ ты могъ жить только для нея, ради нея, ради матери?! А я любилъ, жилъ для нея, все ей отдавалъ, все... и вотъ результаты!.. онъ закрипѣлъ зубами и сѣлъ на кровать. — Послушай, другъ мой, я убилъ... я убилъ своего друга-собаку... и вотъ... она пришла... она приходитъ почти каждую ночь... холодная, съ запекшейся окровавленной мордой, встанетъ у моего изголовья, лизнетъ меня въ щеку и я проснусь... О, какъ страшно, какъ страшно бываетъ мнѣ!.. Я даже боюсь зажечь огонь, но чувствую, чувствую, что она здѣсь... рядомъ!

Данилка сгорбился, устался въ одну точку и зашепталъ:

— Рядомъ стоитъ... холодная, мертвая, и глядитъ, глядитъ черезъ темноту и не зрач-